

ПОХОРОНЫ Н. А. НЕКРАСОВА

Двадцать седьмого числа текущего месяца исполнилось сорокалетие со дня смерти Н. А. Некрасова¹. Некоторые газеты заранее, то *есть* еще до праздников, посвятили поэту "мести и печали" особые статьи. Мне тоже хочется побеседовать о нем с читателем. Но я не вижу ни нужды, ни возможности возвращаться к вопросу о роли, сыгранной им в истории русской поэзии. Все то существенное, что можно было сказать о ней, уже сказано. Поэтому я предпочитаю рассказать здесь о том, какое участие приняли в похоронах Н. А. Некрасова революционеры-народники 70-х гг. в лице общества "Земля и воля".

Впрочем, не только этого общества. Как раз в то время в Петрограде - по-тогдашнему в Петербурге - собралось немало виднейших представителей южнорусского "бунтарства"². Тут находились: Фроленко, Волошенко, Валериан Осинский, Чубаров ("Капитан") и еще многие другие. Все это был народ "нелегальный", смелый, энергичный, прекрасно владевший оружием и весьма склонный к рискованным выступлениям. Заручившись содействием этих испытанных удалцов, общество "Земля и воля" решило открыто явиться на похороны в качестве революционной социалистической организации. С этой целью оно заказало венки с надписью: "От социалистов". Не могу припомнить, кем именно исполнен был этот заказ, но я хорошо помню, что он был исполнен. Вокруг социалистического венка тесным кольцом сомкнулись южнорусские бунтари и землевольцы вместе с членами рабочих кружков, уже весьма нередких тогда на разных петроградских фабриках и заводах. Бунтари и землевольцы захватили с собой револьверы, твердо вознамерившись пустить их в дело, если полиция вздумает отнять венок силой.

Не знаю почему, - может быть, потому, что, слишком поздно догадавшись о намерении революционеров сделать демонстрацию, она не приготовилась к отпору, - полиция не сделала попытки захватить социалистический венок. Он благополучно достиг до Волкова кладбища³, и только в тамошней церкви, куда внесли тело Некрасова для отпевания, с нашим венком произошло какое-то замешательство.

Я не знаю, в чем оно состояло, так как в церковь вошли только немногие из нас. Все же остальные, за исключением "сигнальных", которые должны были поднять тревогу в случае, если бы полиция захотела арестовать лиц, приставленных к венку, - отправились к приготовленной для Некрасова могиле и расположились около нее сомкнутыми рядами. Нам было известно, что у гроба Некрасова будут произнесены речи, и общество "Земля и воля" нашло нужным со своей стороны выдвинуть оратора, который должен был, не стесняясь присутствием тайной и явной полиции, высказать то, что думала об авторе "Железной дороги"⁴ тогдашняя революционная интеллигенция. Выбор пал на пишущего эти строки. Я не помню, много ли ораторов говорило передо мной. Помню только, что в их числе были Засодимский и Достоевский.

Речь народника Засодимского преисполнена была высочайшим сочувствием к поэзии Некрасова. Мы вполне разделяли это сочувствие, однако к речи Засодимского отнеслись довольно холодно. Она была неудачна по форме. У него все-таки выходило, что Некрасов нам "дорог, ибо симпатичен, и симпатичен, ибо дорог". И он никак не мог выбраться из заколдованного круга взаимодействия психологических мотивов⁵. Зато речь Ф. М. Достоевского вызвала в наших рядах большое оживление.

Как известно, уже скоро после его выступления на литературном поприще у Ф. М. Достоевского были довольно большие неприятности с кружком Белинского, к которому принадлежал также Некрасов⁶. Эти неприятности оставили свой след на отношении Достоевского ко всему кружку. Но и помимо того, не подлежит ни малейшему сомнению, что Достоевский не мог без весьма существенных оговорок одобрять направление некрасовской музыки. Достаточно вспомнить, что он, самым искренним образом восторгавшийся стихотворением "Дядя Влас", был глубоко возмущен теми строками, которыми Некрасов

заканчивает в этом стихотворении изображение адских мук, представлявшихся бредившему Власу:

Но всего не описать.
Богомолки, бабы умные, могут лучше рассказать.

Тон этих строк, конечно, противоречит тону всего остального стихотворения. Их можно и должно было осудить во имя требования художественности. Но Достоевский увидел в них неуважение к дорогим ему религиозным верованиям народа⁷. В этой области никакое соглашение и невозможно было между ним и теми нашими писателями, которые усвоили себе мирозерцание, сложившееся у Белинского в последние годы его деятельности.

Тем не менее Достоевский, как видно, захотел на этот раз держаться правила: о мертвом надо говорить хорошее или вовсе не говорить. Он выставлял только сильные стороны поэзии Некрасова. Между прочим, он сказал, что по своему таланту Некрасов был не ниже Пушкина. Это показалось нам вопиющей несправедливостью.

- Он был выше Пушкина!-- закричали мы дружно и громко.

Бедный Достоевский этого не ожидал. На мгновение он растерялся. Но его любовь к Пушкину была слишком велика, чтобы он мог согласиться с нами. Поставив Некрасова на один уровень с Пушкиным, он дошел до крайнего предела уступок "молодому поколению".

- Не выше, но и не ниже Пушкина!-- не без раздражения ответил он, обернувшись в нашу сторону. Мы стояли на своем: "Выше, выше!" Достоевский, очевидно, убедился, что нас не переговорить, и продолжал свою речь, уже не отзываясь на наши замечания⁸.

Я хорошо помню, что, вернувшись с похорон, я записал небольшую речь, произнесенную мною на могиле Некрасова. Но сомневаюсь, чтобы она была напечатана! в каком-нибудь революционном издании. О появлении же ее в легальной печати не могло быть и речи. Я оттенял революционное значение поэзии Некрасова. Я указывал на то, какими яркими красками изображал он бедственное положение угнетаемого правительством народа. Отметил я также и то, что Некрасов впервые в легальной русской печати воспел декабристов, этих предшественников революционного движения наших дней.

Вот все, что сохранилось у меня в памяти от содержания моей речи. Все - за исключением еще одной подробности, о которой я считаю своей обязанностью упомянуть.

Я начал свою речь тем замечанием, что Некрасов не ограничился воспеванием ножек Терпсихоры, а ввел в свою поэзию гражданские мотивы. Намек был совершенно ясен. Я, в свою очередь, имел в виду Пушкина. И само собою разумеется, что я был кругом неправ перед ним: Пушкин воспевал не только ножки Терпсихоры, о которых он, кстати сказать, и упомянул-то мимоходом⁹. Но таково было наше тогдашнее настроение. Все мы в большей или меньшей степени разделяли взгляд Писарева, который "разнес" нашего великого поэта в известной статье "Пушкин и Белинский".

Я потому привел здесь это место своей речи, что мне захотелось покаяться: лучше поздно, чем никогда. Но, каясь в своем грехе, я считал справедливым привести то смягчающее обстоятельство, что далеко не один я грешил им в то время.

Каково бы ни было содержание моей речи, факт тот, что я говорил языком, совершенно недопустимым с точки зрения полиции. Это сразу почувствовала присутствовавшая на похоронах публика. Не знаю, по какой причине полиция не попыталась арестовать меня. Прекрасно сделала. Тесным кольцом окружавшие меня замлевольцы и южнорусские бунтари ответили бы на полицейское насилие дружным залпом из револьверов. Это было твердо решено еще накануне похорон...

После меня произнес несколько слов один рабочий,-- к величайшему сожалению, никак не могу вспомнить его имени, - говоривший о том, что не зарастет тропа к могиле великого народного заступника¹⁰.

Так почтили тогдашние революционеры память своего любимого поэта, собравшись на его могиле. Но они оставались неудовлетворенными. Им хотелось еще и еще говорить о нем. Как-то само собою, без всякого заранее обдуманного плана, вышло, что многие из нас собрались в одном недалеком от кладбища трактире. Там опять стали раздаваться речи о революционном значении поэзии Некрасова. Какой-то артист императорских театров с большим чувством прочел "Размышление у парадного подъезда". Его наградили бурными рукоплесканиями. Все мы были преисполнены бодрого, боевого настроения.

- А что, если бы начальство окружило трактир солдатами и арестовало находившихся там? - тогда же заметил один из наших наиболее осторожных "конspirаторов", - ведь в его руках оказался бы чуть не весь штаб русской революции.

Это было справедливо. Но начальство не догадалось окружить трактир, а мы, совсем позабыв об угрожавшей нам опасности, отводили душу в разговорах о Некрасове. Засодимский был прав, несмотря на то, что рассуждал очень странно: Некрасов был нам и дорог, и симпатичен.

Примечания

Георгий Валентинович Плеханов (1856--1918) на похоронах Некрасова представлял тайное революционное народническое общество "Земля и воля". Землевольцы широко использовали поэзию Некрасова для революционной пропаганды, похоронам Некрасова они придали политическое значение.

Воспоминания Плеханова показывают, что похоронная демонстрация 30 декабря 1877 года была чревата самыми неожиданными последствиями. События этого дня Плехановым освещаются четко, с критической оценкой речей других ораторов.

Воспоминания Плеханова - слово революционера, отстаивавшего революционную сущность поэзии Некрасова. Они появились в печати в 1917 году, к сорокалетию со дня смерти поэта. За этот период Плеханов много раз обращался к творчеству писателя. (См.: Т. Д. Фролова, Плеханов - читатель Некрасова. - *РЛ*, 1967, No 4.)

В статье "Эстетическая теория Н. Г. Чернышевского" (1897) Плеханов назвал поэзию Некрасова "поэзией действия", отмеченную чертами, характерными для искусства русских просветителей. Там же он опроверг обвинения Некрасова и его друзей "в сухости сердца, в черствости, в эгоизме" (Г. В. Плеханов, *Искусство и литература*, Гослитиздат, М. 1948, стр. 420).

10 января 1903 года Плеханов в Женеве прочитал доклад: "Народ и интеллигенция в поэзии Некрасова". Ленин просил Плеханова этот доклад обработать для "Искры". (См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, стр. 261, 266.) Однако работа Плеханова переросла рамки газетной статьи и была опубликована отдельной брошюрой: "Н. А. Некрасов. К 25-летию со дня смерти" (1903). Основная мысль брошюры выражена в словах: "Некрасов явился поэтическим выразителем целой эпохи нашего общественного развития. Эта эпоха начинается выступлением на нашу историческую сцену образованного *"разночинца"* (*"интеллигенции"* тож) и оканчивается появлением на этой сцене *рабочего класса, пролетариата* в настоящем смысле этого слова. Кто интересуется нравственным или идейным содержанием этой замечательной эпохи, тот найдет в поэзии Некрасова богатейший материал для его характеристики" (Г. В. Плеханов. *Искусство и литература*, Гослитиздат, М. 1948, стр. 625).

Печатается по тексту газеты "Наше единство", 1917, No 7, 29 декабря.

¹ Стр. 490. Некрасов умер 27 декабря 1877 года (по старому стилю).

² Стр. 490. "Бунтари" - одно из течений народничества 70-х годов периода "хождения в народ".

³ Стр. 491. Плеханов ошибся. Хоронили Некрасова на Новодевичьем кладбище.

⁴ Стр. 491. Стихотворение "Железная дорога" имело очень сильное воздействие на молодого Плеханова и его единомышленников. Плеханов вспоминал 1872 год: "Я был тогда в последнем классе военной гимназии. Мы сидели после обеда группой в несколько человек и читали Некрасова. Едва мы кончили "Железную дорогу", раздался сигнал, звавший нас на фронтное учение. Мы спрятали книгу и пошли в цейхгауз за ружьями, находясь под сильнейшим впечатлением всего только что прочитанного нами. Когда мы стали строиться, мой приятель С. подошел ко мне и, сжимая в руке ружейный ствол, прошептал: "Эх, взял бы я это ружье и пошел бы сражаться за русский народ!" Эти слова, произнесенные украдкой в нескольких шагах от строгого военного начальства, глубоко врезались в мою память; я вспоминал их потом всякий раз, когда мне приходилось перечитывать "Железную дорогу" (Г. В. Плеханов, Искусство и литература, Гослитиздат, М. 1948, стр. 634).

⁵ Стр. 491. См. прим. 6 к стр. 478.

⁶ Стр. 491. Имеется в виду критическая оценка Белинским повести Достоевского "Двойник", ироническое отношение его и Некрасова к болезненному самолюбию Достоевского. См. коллективную пародию "Витязь горестной фигуры..." (1846), осмеивающую поведение Достоевского (I, 423--424).

⁷ Стр. 492. Цитируемые строки из стихотворения "Влас" (1855) Достоевский считал "насмешкой" относительно общего настроения произведения ("Гражданин", 1873, No 4 от 22 января). Они были исключены поэтом при подготовке последнего издания своих сочинений.

⁸ Стр. 492. См. стр. 484.

⁹ Стр. 493. Плеханов имеет в виду стихи из "Евгения Онегина" (глава I, строфа XXXII):

Дианы грудь, ланиты Флоры
Прелестны, милые друзья!
Однако ножки Терпсихоры
Прелестней чем-то для меня.

Терпсихора -- муза танца в древнегреческой мифологии.

¹⁰ Стр. 493. Имя рабочего осталось неизвестным.